

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЭВАКУИРОВАННОГО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПРИФРОНТОВЫХ ГОРОДАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ И ТЫЛОВОМ УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье сравнивается повседневная жизнь эвакуированного гражданского населения в прифронтовой полосе и в глубоким тылу во время Великой Отечественной войны. Источниками являются воспоминания и документы из вологодских архивов. В исследовании определена специфика повседневной жизни в каждом регионе, показаны ее общие черты и различия.

Повседневная жизнь, сравнительный анализ, эвакуация, гражданское население, прифронтовые города, тыл.

The article compares the everyday life of evacuated civilians near the front and in the rear during the Great Patriotic War. Sources are the memories and documents from the Vologda archives. The study defines the specificity of everyday life in the regions; its common features and differences are presented.

Everyday life, comparative analysis, evacuation, civilians, front-line cities, rear.

Грандиозный процесс эвакуации мирного населения, большого числа материальных и культурных ценностей с территорий, находящийся под угрозой захвата, в годы Великой Отечественной войны проходил в максимально сжатые сроки. Историки назвали эвакуацию «беспримечательной в мировой истории, поистине героической и драматической эпопеей» [7, с. 7]. Такое масштабное мероприятие затронуло многие регионы, находящиеся за линией фронта. Каждый регион в зависимости от влияния локальных факторов играл определенную роль в процессе эвакуации и приема населения.

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ повседневной жизни эвакуированного населения в крупнейших прифронтовых городах Вологодской области (Вологде и Череповце) и тыловом Урале и определение особенностей, характерных для каждого региона. Повседневная жизнь в экстремальных условиях войны для этой категории населения заключалась в удовлетворении важнейших потребностей. Источниками работы являются воспоминания и исторические документы из вологодских архивов. Полученные данные сравниваются с материалами уральских исследований.

В первую очередь сравним, как происходило движение эвакуированного населения в регионах. В крупнейшие прифронтовые города Вологодской области большинство эвакуируемых жителей прибывало из соседних Ленинградской, Мурманской областей, республики Карелии [5, л. 120]. География эвакуации на Урал была шире и, кроме указанного, включала население центра и юга Европейской части РСФСР; республик Украины, Белоруссии, Прибалтики [9, с. 87]. Через Вологодскую область большинство следовало транзитом в восточные регионы страны, останавливаясь лишь на короткое время [16, л. 49, 78, 128]. На Урале большая часть прибывшего населения оставалась на продолжительный срок. Эти различия можно объяснить степенью близости ре-

гионов к границам государства и линиям военных фронтов. На Урале опасность военного нападения была гораздо меньше из-за значительной отдаленности региона от линии фронта. Социальное положение этих людей после прибытия на новое место было одинаково тяжелым и неопределенным во всех регионах: они не имели жилья и постоянных источников существования, нуждались в помощи государства и местного населения. В транзитных пунктах Вологодской области оставались на проживание только отдельные эвакуированные лица и семьи по разным причинам личного характера.

Рабочие предприятий и организаций не задерживались и после короткой остановки ехали дальше в тыл для восстановления промышленности и продолжения ее работы. Восстанавливать предприятия, эвакуированные с фронта, на таком небольшом отдалении от него было неразумно. В случае успехов армии противника Вологодская область вполне могла оказаться во фронтовой полосе – тогда потребовалась бы повторная эвакуация, возникли новые жертвы и затраты. Эвакуированное гражданское население, прибывающее на Урал, подразделялось местными властями на тех, кто приехал в составе предприятий и организаций, и неорганизованный поток, положение которого было хуже [9, с. 88]. Характер задач, которые стояли перед органами местного управления, в двух регионах был разным. В прифронтовой полосе у властей преобладали краткосрочные задачи – питание, медосмотры и направление в тыл; на Урале, наоборот, долгосрочные – постепенное размещение, трудоустройство. В Вологодской области основная часть эвакуированного населения находилась на временном иждивении, тогда как на Урале эти люди использовались государством для получения экономической пользы. Сопоставление численности эвакуированного населения на момент окончания массовой эвакуации показывает существенную разницу между регионами. К 1 апреля 1943 г. на терри-

тории Вологодской области было размещено 165160 человек [5, л. 120]. Примерно в это же время (в январе 1943 г.) численность эвакуированного населения, проживающего на Урале, составляла 1481,2 тыс. человек [9, с. 86]. Это сравнение подчеркивает значение каждого из рассматриваемых регионов.

Характер питания эвакуированного населения зависел от длительности его проживания. В Вологодской области одной из главных задач местных властей являлось обеспечение пищей приезжающего и проезжающего населения. Для большей его части питание организовывалось один или несколько раз. Для тех, кто оставался и был здоров, через 4 – 5 дней происходил перевод на самообеспечение [13, л. 7]. На Урале эвакуированное население в первое время после приезда обладало некоторыми льготами, а впоследствии получало продукты на общих основаниях с местным населением. Работающим гражданам выдавали от 100 до 700 граммов хлеба в день. Часто трудоспособных, но не работающих лиц снимали с довольствия [9, с. 103]. Эвакуированное население само выращивало овощи на коллективных и индивидуальных огородах, получало продукты от стран-союзников [9, с. 105 – 107]. В прифронтовых городах работа системы временного обеспечения питанием эвакуированного населения улучшилась к лету 1942 г. [3, л. 36], [5, л. 120], [18, л. 9 – 10]. На территории Урала, несмотря на многочисленные источники, уровень питания значительной части населения оставался низким [9, с. 111]. Задача полного обеспечения населения продовольствием была трудновыполнимой из-за большой эвакуации и невозможности самообеспечения региона [1, с. 22].

Уровень, характер заболеваемости и медицинского обслуживания в регионах имели определенные сходства и различия. Многие из эвакуированных лиц, приезжающих в прифронтовые города, уже были больны и оставались здесь для лечения. Заболеваемость на Урале возникала из-за плохой санитарной ситуации, физической переутомляемости рабочих вследствие длительного труда и недоедания [9, с. 96]. Некоторые болели до эвакуации, но их процент был невелик. В прифронтовых городах среди эвакуированных жителей в 1941 г. преобладали лица с желудочно-кишечными заболеваниями [15, л. 25 – 26], в 1942 г. – с дистрофией [17, л. 8]. На Урале представители этой категории населения болели корью, цингой, сыпным тифом [9, с. 97]. В прифронтовых городах лечение имело срочный характер, было организовано обособленно на недостаточно хорошем уровне и без подготовки. В тылу эвакуированное и местное население лечили в единой системе здравоохранения.

Лицам, остающимся на проживание, были необходимы жилье и работа. В Вологодской области для временного проживания устраивали общежития [2, л. 46 – 47], [15, л. 23]. Метод так называемого уплотнения (подселения к местному населению) был использован для размещения на длительный срок [5, л. 64, 158]. Практики подселения реализовывались без особого участия и контроля со стороны властей.

В Вологде и Череповце эвакуированные лица в большинстве случаев сами искали жилье, их брали на квартиру родственники и незнакомые люди из жалости [14, л. 2]. Число населения, нуждающегося в крове, было небольшим¹. На Урале во время войны сократились объемы жилищного строительства, но дефицит жилья был и ранее [9, с. 89]. Местные власти придумали несколько вариантов решения проблемы: переселение организаций и предприятий в село или на меньшие площади; переселение лиц, не связанных с производством и неблагонадежных людей в село, строительство нового жилья. Использовался также и метод уплотнения [6, с. 133]; [9, с. 90]. Степень комфортности жилья везде была низкой. Уплотнение отрицательно сказалось на санитарном состоянии и условиях жизни местного населения.

В прифронтовых городах Вологодской области было организовано трудоустройство эвакуированных лиц: в Вологде – менее, а в Череповце более успешно [4, л. 13], [5, л. 158]. Масштабы работы по данному направлению были незначительными из-за небольшого числа лиц, нуждающихся в трудоустройстве. Местные власти Урала провели большие мероприятия по трудоустройству приезжающего населения. Многие проблемы в данной сфере были решены к лету 1943 г. Трудом эвакуированное население не только обеспечивало себе выживание, но и способствовало развитию экономики региона [9, с. 143 – 144]. Из-за большого числа эвакуированного населения проблема являлась достаточно серьезной. В Вологде и Череповце многие эвакуированные граждане работали в разных общественных организациях и учреждениях, на фабриках, значительное количество людей трудилось в промышленности. В Вологде некоторые устроились в культурные учреждения. Многие люди работали не по специальности. Из-за разрозненности, неоднородности контингента трудоустройство не было систематизировано [5, л. 64, 150, 158], [12, л. 27, 33]. На Урале эвакуированные граждане трудились практически во всех отраслях промышленности, науки и культуры. В регион прибывали целые коллективы предприятий и организаций. В сельском хозяйстве дефицит рабочей силы не удалось восполнить из-за неопытности приезжающих лиц. Эвакуация оказала положительное влияние на развитие науки и культуры Урала [9, с. 143 – 144]. Чтобы судить об эффективности мер в этой сфере в целом, необходимо сравнить доли трудоустроенных от общего количества трудоспособных людей в разных регионах. Средний процент трудоустроенных лиц в прифронтовых городах Вологодской области мы сравнили с этим же показателем на Урале². Эва-

¹ Наглядно демонстрирует разницу в важности проблемы сравнение численности эвакуированного населения на Урале и в Вологодской области, сделанное выше.

² В конце 1942 г. количество трудоустроенных эвакуированных лиц из числа трудоспособных составило на Урале – 65 %, в Вологодской области – 53,6 %; в апреле 1943 г. – 88,2 и 61,3 % соответственно [9, с. 121], [4, л. 13, 73].

куированное население в Вологодской области трудоустроивалось хуже (повлиял низкий процент трудоустроенных в Вологде в 1942 – 1943 гг.), чем на Урале. Кроме того, если учитывать общее количество трудоспособного населения (на Урале – значительно больше), то в тылу в этом отношении была проделана более значительная работа. Урал являлся важнейшей экономической базой страны в военный период, и для трудоустройства населения прилагались значительные усилия.

Эвакуированное население на новом месте проживания не было изолировано и вступало в контакты с местными жителями. Взаимоотношения между эвакуированным и местным населением, как в Вологодской области, так и на Урале, складывались не просто и зависели от многих факторов: социальных и национальных различий, личных качеств людей, снижения уровня жизни, политики властей. В первых, в некоторых местах случались конфликты на национальной почве. Сведений о серьезных межнациональных конфликтах в прифронтовых городах не зафиксировано – состав приезжего и местного населения по национальному признаку здесь был достаточно однородным. На Урале, наоборот, наблюдались проявления ксенофобии, вспыхивали конфликты между представителями отдельных национальностей. Лица, приезжающие в Башкирию, вызвали любопытство и интерес у местного населения из-за национальных и языковых различий [6, с. 99]. Состав населения этой части Урала отличался этнической пестротой (русские, башкиры, татары, чуваша, марийцы и т.д.), состав эвакуированного населения также был достаточно неоднородным (евреи, прибалты, украинцы, русские, белорусы, молдаване и т.д.). По этой причине происходили издевательства над евреями [6, с. 105], стычки между башкирами и русскими, между отдельными национальностями и немцами [6, с. 106], некоторые воспринимали приезжих лиц как врагов и поборников фашизма [6, с. 99 – 100], [8, с. 94]. Однако конфликты случались нечасто. Во-вторых, сложными были взаимоотношения на бытовом уровне. В прифронтовой полосе и в тылу у части местного населения складывалось положительное отношение к эвакуированному населению как к людям, которые попали в беду и нуждались в помощи. В прифронтовых городах, как было отмечено ранее, горожане брали на проживание приезжих лиц добровольно. Впрочем, на этом же бытовом уровне случались конфликты. В прифронтовых городах были зафиксированы случаи воровства [11, с. 128]. На Урале ссоры возникали из-за стеснения жилищных условий местного населения [6, с. 100], снижения уровня жизни в целом, невысокого уровня культуры, высокомерного поведения эвакуированных жителей столиц [6, с. 106 – 107].

Чувства и мысли людей, эвакуированных в разные регионы страны на разное время, несколько различались. Для людей, оказавшихся в первые месяцы после эвакуации в прифронтовых городах, преобладающим было чувство опасности. В первое время из-за страха за собственную жизнь они не хотели воз-

вращаться обратно [10], [11]. У лиц, проживших несколько лет на Урале, было желание вернуться на малую Родину – чувство духовной связи с ней за время войны не исчезло [8, с. 95]. В дневниках и воспоминаниях людей, эвакуированных в Вологду и Череповец, прослеживается и другая тенденция – отсутствие чувства облегчения от освобождения из блокадного Ленинграда в относительно безопасные прифронтовые города. У эвакуированных лиц преобладало негативное отношение к местам, в которых они оказались, не было чувства защищенности. Эти люди желали уехать в глубокий тыл в надежде, что там их жизнь будет лучше. Если и вспоминали о прошлом, то не о конкретном географическом месте, из которого они были вывезены, а о родственниках, с которыми были разлучены [10, с. 151], [11, с. 130].

Таким образом, повседневная жизнь эвакуированного населения в каждом из рассматриваемых регионов имела определенные особенности. В первую очередь это касалось движения населения. В прифронтовую Вологодскую область люди эвакуировались в основном из соседних областей, на Урал – со всей Европейской территории РСФСР и союзных республик. Характер эвакуации был принципиально разным. Если через прифронтовые города большая часть людей проезжала, задерживаясь на короткое время для удовлетворения важнейших потребностей, то на Урале эвакуированные граждане обосновывались на длительный или постоянный срок. По численности эвакуированное население на Урале к концу эвакуации значительно преобладало. Население, остающееся в прифронтовых городах, являлось неорганизованным, а в тыл прибывали целые коллективы предприятий и учреждений. Характер эвакуации и численность остающегося эвакуированного населения определяли разницу в условиях повседневной жизни. Питание этих людей при кратковременном проживании в прифронтовых городах обеспечивалось местными властями, а в тылу эвакуированные лица после трудоустройства переходили на самообеспечение. Такой же принцип действовал и в отношении тех немногочисленных лиц, которые оставались в прифронтовых городах на постоянный срок. Медицинское обслуживание населения, приезжающего в Вологду и Череповец, осуществлялась стихийно, обособленно. Лица, приезжающие на Урал, получали медицинскую помощь на общих основаниях с местным населением. При решении проблем с питанием, медицинским обслуживанием на Урале эвакуированное население не имело особых преимуществ перед местным. Заболеваемость среди эвакуированного населения в прифронтовых городах имела преобладающий привнесенный характер, а в тылу – приобретенный в процессе жизнедеятельности. Тип болезней отличался и определялся характером заболеваемости. Обеспечение жильем и трудоустройство являлись важнейшими проблемами властей Урала, в то время как в прифронтовых городах из-за малочисленности контингента эти проблемы были менее значительны. Психологическое состояние, чувства и мысли людей также серьезно отлича-

лись: если на Урале население после долгого проживания тосковало по малой Родине, то население, оказавшееся в прифронтовых городах, наоборот, стремилось как можно быстрее уехать дальше в тыл. Повседневность эвакуированного населения в двух регионах имела определенные сходства, которых было гораздо меньше: взаимоотношения с местным населением складывались сложно, эвакуированные жители находились в тяжелом социальном положении и психологическом состоянии. Указанные различия в повседневной жизни двух регионов определялись воздействием ряда факторов, главными из которых являлись: географическое положение регионов, развитие транспортных связей. Повседневная жизнь в значительной степени зависела от сроков, на которые население оставалось в регионе. Численность и уровень организации населения определяли способы решения социальных проблем. Население, эвакуированное в тыл, имело более конкретные общие цели, поставленные властями.

Источники и литература

1. Арсланова, Ч.Р. Эвакуированное и депортированное в Башкирскую АССР население в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ч.Р. Арсланова. – Уфа, 2006.

2. Государственный архив Вологодской области (ГА-ВО). – Ф. 366. – Оп. 1. – Д. 1188.
3. ГАВО. – Ф. 3105. – Оп. 1. – Д. 3.
4. ГАВО. – Ф. 3105. – Оп. 1. – Д. 13.
5. ГАВО. – Ф. 3105. – Оп. 2. – Д. 3.
6. Исхакова, Г.Р. Социальная политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Башкортостана): дис. ... канд. ист. наук / Г.Р. Исхакова. – Уфа, 2002.
7. Куманев, Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы / Г.А. Куманев // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7 – 27.
8. Потемкина, М.Н. Эвакуанты в уральском тылу: опыт выживания / М.Н. Потемкина // Отечественная история. – 2005. – № 2. – С. 86 – 98.
9. Потемкина, М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы / М.Н. Потемкина. – Магнитогорск, 2002.
10. Скрябина, Е. Страницы жизни / Е. Скрябина. – М., 1994.
11. Старостина, Т. Послеблокадный транзит. Дневник / Т. Старостина // Север. – 2005. – № 5–6. – С. 127 – 133.
12. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 488.
13. ЧЦХД. – Ф. 7. – Оп. 9. – Д. 27.
14. ЧЦХД. – Ф. 363. – Оп. 2. – Д. 99.
15. ЧЦХД. – Ф. 1079. – Оп. 1. – Д. 1.
16. ЧЦХД. – Ф. 1079. – Оп. 1. – Д. 2.
17. ЧЦХД. – Ф. 1079. – Оп. 1. – Д. 30.
18. ЧЦХД. – Ф. 1079. – Оп. 1. – Д. 40.

УДК 903.25

В.Н. Кузнецова

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент В.Н. Седых

ОРНИТОМОРФНЫЕ ПЛАСТИНЧАТЫЕ ПОДВЕСКИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ XI – XIII ВВ.

Орнитоморфные пластинчатые подвески являются характерным украшением Северо-Восточной и Северной Руси в целом, экземпляры также зафиксированы в Приладжье и Волго-Камье. В бестиарии XI – XIII вв. увеличивается количество орнитоморфных образов, подвески-птички изображают различных представителей семейства куриных. Стилистика находок рассматривается в сопоставлении с другими категориями подвесок. Выделены экземпляры, возникшие на основе непрорезных подвесок-птичек в Белозерье и Прикамье.

Орнитоморфные подвески, орнамент, Северная Русь, Волго-Камье, средневековье, тенденция.

Ornithomorphic plate-pendants are considered to be the typical ornaments of Northern-Eastern and Northern Russia; the items are also found in Ladoga, Volga and Kama regions. The number of ornithomorphic images increases in the XI – XIII^{ies} and plate-pendants depict various Gallinaceae. The stylistics of the pendants is compared with the other categories of decorations. The author identified the specimens arisen on the basis of pendants birds from Beloe Lake and Kama regions.

Ornithomorphic plate-pendants, ornament, Northern Russia, Volga and Kama region, middle ages, tendency.

Украшения, изображающие птиц, были распространены в культуре населения лесной зоны Восточной Европы еще в первых веках н.э. В X в. в Юго-Восточном Приладжье возникают прорезные пластинчатые орнитоморфные подвески. Вплоть до XI – начала XII в. орнитоморфные украшения чаще всего изображают водоплавающих птиц.

Однако появление подвесок в форме «петушков»

или «курочек» не было спонтанным. Изменение изображаемого вида фиксируется даже в отличающихся стандартным оформлением северо-западных подвесках, как полых, так и пластинчатых. В первую очередь изменения затрагивают контур головы: появляются гребешок и заостренный клюв, на конечностях обозначаются пальцы, не свойственные водоплавающим. В XII – XIII вв. в северо-восточных обла-